

П И О Н Е Р

Октябрь

Издательство „Правда“ 1942 г.

10

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА

Лев Кассиль

История человечества насчитывает много десятков веков. Но не было еще на памяти людей времени более прекрасного и дерзновенного, чем четверть столетия, прожитая нашей страной с октября 1917 года до наших дней.

Двадцать пять лет назад пушка крейсера «Заря свободы», прежде звавшегося «Авророй», ударила по Зимнему дворцу в Петрограде. Революционные солдаты, рабочие, матросы, красногвардейцы взяли штурмом бывшее жилье царя, в котором засели министры Временного правительства капиталистов и помещиков. Красный флаг Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов поднялся над Питером. И Россия стала Советской страной — государством труда, разума и великих человеческих свобод. Ленин подписал первые декреты новой власти. Народ стал хозяином всей земли, всех заводов и фабрик, кораблей и железных дорог, нефтяных источников, каменноугольных шахт и золотых приисков. Отныне все это стало достоянием народа. Отныне запрещалось кому бы то ни было заставлять людей работать ради чужой выгоды. Отныне каждый работал на всех и все работали на каждого.

Так государственным законом стало то, что много столетий было заветной мечтой самых смелых и лучших людей.

Двадцать пять лет живем мы по этим справедливым законам. Двадцать пять лет существует на свете великая страна, где все принадлежит народу, где каждый, кто работает, уверен, что никто у него не посмеет отнять то, что добыто честным трудом.

Как же не гордиться нам, современникам, что эти двадцать пять лет — часть нашей собственной жизни, полной труда и борьбы, жизни, которую мы ни на какую другую не променяем? Как же не радоваться вам, друзья, что вы родились и растете в первую четверть первого свобод-

ного века нашей родины, в которой победила справедливость?

Великие дела совершены, необыкновенные перемены произошли в нашей стране за двадцать пять лет. То была трудная, удивительная и прекрасная пора.

Говорят, в минуту смертельной опасности человек, готовясь к борьбе за жизнь свою, стремится припомнить все, что прожито, сделано им, все, что особенно дорого ему. Так сейчас, в дни, когда родина наша в великой опасности, весь народ и каждый из нас с гордостью вспоминает все, что сделано, пережито, добыто нами за двадцать пять лет, все, что так дорого самим нам и так разжигает жадность врага.

Мне пришлось много поехать за последнее время по нашей большой стране. Я побывал на фронтах и в глубоком тылу, я видел, как работают и учатся сейчас советские люди, как дерутся они с врагами и на земле, и на море, и в воздухе, и под водой. И слышал я, с какой любовью и тревогой говорят они в тяжелые ночные смены, в боевых рубках кораблей и в блиндажах о самом дорогом, заветном, любимом, что есть в жизни нашей, что надо отстоять нам во что бы то ни стало.

На Уралмаше и на седом Верхисетском заводе слышал я старых рабочих.

— Народ идет своей колеей, — говорили мастера-уральцы. — Нас никакой немец на задний ход не переведет. Как порешили в семнадцатом году, так сами себе хозяева и будем. Своими руками эту жизнь заработали и отвоевали, своими руками прикончим фашистов. День и ночь работать станем, по три смены отстоим кряду, а от воли и счастья своего не отступимся, пока живы.

И стояли у мартеновских печей, в обжигающих отблесках хлынувшего металла, выдавая скоростную плавку стали, знаменитые сталевары Урала, бывшие

П. Васильев «Выступление В. И. Ленина с броневика на площади у Финляндского вокзала, в Петрограде».

красногвардейцы и партизаны, люди славной жизни и стойкого труда.

За Полярным кругом, на Крайнем Севере нашей страны, говорили мне моряки Северного флота:

— Лучше в море погибнуть, чем наш флаг в бою опустить. Мы, краснофлотцы, были первыми солдатами революции и биться готовы до последнего... Нас немец с курса не собьет.

И грудью пробивая горы бешеной воды, как припаянные к железной палубе, стояли североморцы на мчащихся в бой катерах-охотниках.

Говорили колхозники в селах близ Западного фронта, освобожденных от недолго хозяйничавших там немцев:

— Земли эти навек нам даны, в полное владение. А немец забыл, видно, что народ-то у нас с семнадцатого года помнил, в обиду не дастся, жить привык с уважением. Не может быть нам никакой жизни при немце, не будет он у нас хозяином.

И стучали топоры плотников, ставивших новые избы в сожженном селе. И блистающий наостренный лемех плуга, выворачивая тучные краюхи земли, отшвыривал валяющуюся на пашне продырявленную немецкую каску.

В тихом кабинете беседовал со мной седовласый академик:

— Я прожил три четверти века, я в три раза старше Советской страны, но горжусь тем, что являюсь учеником ее. Последнюю четверть столетия я прожил весьма поучительно. Многому научился я за эти двадцать пять лет у народа, показавшего всем народам мира, как надо уважать и оберегать человеческий труд, как можно жить дружно людям разных языков, различного цвета кожи, но общего, равноправного счастья... Самонадеянные тупицы, фашистские лоботрясы, — на что они надеются? Запугать, что ли, нас хотят?.. Они бесчеловечно добились моего раненого сына... Они сожгли в Киеве мою библиотеку... Но наука и сознание осво-

П. Васильев «В. И. Ленин и И. В. Сталин беседуют с красногвардейцами в Смольном».

божденного народа непобедимы, друг мой.

Так говорят люди Советской страны: рабочие, бойцы, крестьяне, ученые.

— Мы недаром прожили вместе со своей родиной это историческое двадцатипятилетие, — говорят они. — Мы научились жить по новым, чудесным законам. Мы показали миру, как можно его переделать, чтобы жизнь на земле стала чище, свободнее, светлее, достойнее. Но завистливые и алчные враги в это время копили яд, обучали бездушных своих солдафонов убийству, тайно готовились превратить весь мир в свою лакейскую. И вот они напали на нас. Чад военного пожара, кровь мирных людей, черная злоба пришельцев омрачают торжественные дни двадцатипятилетия Октябрьской революции. И нам некогда сейчас праздновать, хотя нам есть что опраздновать. И нет времени у нас для длинных воспоминаний, хотя есть нам что вспомнить.

О нашей сегодняшней жестокой борьбе говорим мы в эти дни, о будущем нашем, о вашем счастье, друзья.

Ваши школьные годы, детство ваше проходят в первое двадцатипятилетие Октября. Все сделал народ наш для того, чтобы детство прошло у вас счастливо, славно и с пользой для вашего будущего, для будущего Родины.

Немец задумал отнять у вас Родину и будущее.

Немец хочет сорвать с вас красные галстуки и накинуть вам на шею петлю, чтобы потащить вас, как скотину, к себе в прусскую усадьбу, на потеху немецким гаденышам, на смерть от голода, тоски и непосильного труда. Он хочет отнять у вас любимые книги, отучить вас от родного языка, заставить позабыть своих отцов и матерей...

Нет, друзья, не для того четверть века стоит вольная и трудолюбивая, гордая страна наша и алый флаг свободы развевается над ней. Не для того погибали на октябрьских баррикадах и в битвах гражданской войны наши отцы и старшие братья. Не для того трудился двадцать пять лет наш народ, строя новое, сметая

с пути все, что мешает людям хорошо жить и смело глядеть в будущее.

Недаром крепла и мужала двадцать пять лет наша Советская страна: у нее достаточно сил, чтобы одолеть врага.

Не повалить нас. Не вырубить топором фашистскому палачу то, что создано нашим народом. Мы отобьем занесенный топор так, что он обухом прошибет узкий лоб фашиста.

Советской стране двадцать пять лет. Вам много меньше. Но в это строгое, тяжелое время с вас тоже немало спросится. Будьте помощниками народа в его справедливой борьбе. Я видел, как работали этим летом школьники на колхозных полях Подмосковья, как проходили военную подготовку морские юнги, как славно работали ремесленники в цехах больших

тыловых заводов. Я подружился с неумолимыми тимуровцами и с пионерками из санитарных кружков. Все это настоящие ребята двадцать пятого года Октябрьской революции. Лет им немного, но они живут в трудную пору, и Родине пригодилась их работа. Когда будет писаться история первой четверти века, прожитой нами при советской власти, этих ребят помянут добрыми и благодарными строками.

Держитесь же крепко, не теряйте времени даром, ломитесь сквозь трудности, не унывайте, когда приходится туго: время военное! Учитесь и будьте готовы продолжать то великое и благородное дело, которое за четверть века стало надеждой всего разумного человечества и зовется народом нашим кратко и уважительно: делом Ленина—Сталина.

Трудное время переживала двадцать пять лет назад наша страна, разоренная войной, голодная, окруженная врагами. Но советская власть спасла ее. Разутые и раздетые красноармейцы, сражавшиеся за свое государство, оказались сильнее хорошо вооруженных белогвардейцев и иностранных интервентов. Оборона Петрограда, оборона Царицына, штурм Перекопа вечно будут жить в памяти людей, как образцы высочайшего героизма.

Отбиваясь от врагов, наша страна, руководимая Лениным и Сталиным, восстанавливала в то же время свое хозяйство и вышла на широкую, светлую дорогу.

Здесь, на картине художника П. В. Вильямса, вы видите моряков и вооруженных рабочих, идущих на защиту Петрограда.

Рассказ Юрия Германа

Рис. В. Цельмера

С бьющимся сердцем, с глазами, горящими злобой, не чувствуя ни холода от ледяной весенней воды, ни холодного северного ветра, не обращая внимания на вой и разрывы мин, на пулеметные очереди, на разрывы снарядов, он первым выскочил на прибрежный песок и оглянулся: там, в море, стояли корабли и били из главных калибров по финнам и немцам, засевшим в скалах, а от кораблей к берегу бесконечно шли вельботы, баркасы, полубаркасы, катера и даже ялы — от восьмерок до четверок. Насколько хватал глаз, все море было в шлюпках: это под прикрытием корабельных орудий двигался к берегу десант, грозный, неудержимый, настоящий морской десант. Соленый морской ветер рвал с голов каски, столбы воды подымались к небу, когда разрывался немецкий снаряд, моряки иногда падали, но больше высаживались невредимыми, прыгали в студеную воду, тащили за собой шлюпки, выносили пулеметы и, быстро замаскировавшись за прибрежным валуном или досками, или просто окопавшись, начинали бить по врагу — по немцам, пытающимся перейти в контратаку и сбросить десант в море. А часть, во главе с Авдеевым, уже бежала к лошине, вперед, — к той ложине, в которой он играл мальчишкой, в которой все было ему знакомо и памятно, — а потом по ложине наверх, к поселку, наперерез немцам и финнам, чтобы не пушел ни

один, чтобы все очутились в мышеловке, чтобы поймать всех.

Из лошины они вырвались, как смерч, как ураган, — черные, в поту, в крови, в копоти. Финский офицер, пригибаясь к земле, побежал к валунам, но Авдеев догнал его и сбил пинком ноги, а потом выстрелил и побежал за своими. Они лавиной двигались вперед. Финны и немцы метались как помешанные — от скал к бревнам, от бревен к скалам; здесь был обрыв, а внизу море, и Авдеев повел своих полукольцом к морю, чтобы ни один не убежал, чтобы взять всех.

Немцы и финны залегли у обрыва.

Краснофлотцы двигались полукольцом — полукольцом смерти, — медленно, шаг за шагом, без криков, молча. Справа шел Авдеев, тяжелым моряцким шагом. Галька скрипела под его коваными сапогами. Но все-таки он слабел. Ноги затекли и почти не держали, голова отяжелела, каждую секунду он мог упасть. Но, странное дело, ему хотелось увидеть корабль — свой корабль; еще несколько шагов — и он его увидит, там, на необозримом морском пространстве, под северным предвечерним небом, далеко-далеко увидит дым и пламя его орудий, увидит срезанный, особый, свой форштевень, свой флаг и, может быть, трепещущий на ветру узкий, длинный вымпел.

Рядом упал Фролов — он не оглянулся. Еще кто-то рухнул лицом в гальку.

Финны едва держались над обрывом. Они бы побежали, если бы было куда.

Тогда побежал он. Побежал, бросил гранату и лег. Охрименно сделал то же. Еще несколько гранат полетело к обрыву.

— Вперед! — крикнул он. — Вперед, вперед, товарищи!

Спотыкаясь, он бежал туда, к морю. Он почти потерял сознание, но одна мысль не покидала его — увидеть корабль, свой корабль.

Еще несколько гранат ударило по финнам. Несколько немцев, окончательно обезумев, бросились вниз, в море. Трое решили пробиться, но не пробившись: под их ногами разорвалась граната.

Остальные финны подняли руки. Авдеев не подошел к ним. Шатаясь, сплевывая кровь, он шагнул к обрыву. Там, за силуэтами финнов, черневших на фоне прозрачного неба, ему виделся корабль — свой корабль!

Острыми, моряцкими глазами он увидел то, что хотел увидеть, умирая: увидел узкие красные косицы вымпела; увидел пламя и дым орудий; увидел срезанный, особый, один из тысяч форштевень. Увидел — и опустил на скалу.

Охрименно бережно поддержал его голову, а через несколько минут сестра Ариша сказала, что он не умер и что ничего особого с ним не произошло — скоро будет в порядке...

— Контузило его, — сказала она, — воды бы побольше...

К ночи он пришел в себя. Поселок был уже занят десантом, и корабельные орудия перенесли огонь дальше. Бой шел в нескольких километрах.

— Вот, не умерли, — сказала сестра Ариша.

— Да, не вышло, — виновато согласился Авдеев и спросил: — Много наших побили?

— Есть некоторые.

Авдеев помолчал, потом сказал сестре, что он здесь родился и вырос. Это его родной поселок. Он тут рыбачил, учился, моряком стал.

— Вот покушайте лучше, — сказала сестра, — биографию вы мне потом расскажете. А через часок мы вас эвакуируем.

Авдеев поел и сказал, что с эвакуацией не выйдет. Попробовал встать — встать удалось. Сестра смотрела на не-

го с любопытством. Привыкнув стоять, он попробовал пройтись, заметил в углу свой автомат и взял его в руки.

— Может быть, теперь ляжете? — спросила сестра. — Или мне надо применить силу?

Кротким голосом Авдеев сказал, что не ляжет, потому что это его родной поселок и он должен по поселку прогуляться, посмотреть, а потом сразу, ну просто-таки в мгновение, он вернется.

— Честное комсомольское? — спросила сестра.

— Честное комсомольское! — поклялся Авдеев и, выпив кружку воды, вышел.

Была ночь, белая, северная. В зеленоватом небе плыли белые облака. Справа, под обрывом, горела рыбацкая пристань. Убитый финн лежал перед домом, вперев пустые, бессмысленные глаза в небо. С воем проносились снаряды с кораблей.

Авдеев огляделся: домов не было. В горячке боя он не заметил, что домов нет; он увидел это только сейчас: не было ни школы, в которой он учился, ни кооператива, ни складов, не было сарая пожарной команды — не было ничего.

Встревоженным взглядом он обвел все вокруг себя: может быть, это не тот поселок, может быть, он ошибся?

Тяжело дыша, даже задыхаясь, он пошел от пепелища к пепелищу, от фундамента к фундаменту, от одной печной трубы к другой; нет, это тот поселок, его поселок, его родина. Тут он брал книжки — это библиотека, вот даже изразцы библиотечные. Сюда он провожал зимой Валу, а тут споткнулся и упал в осеннюю грязь, и она тоже упала — Валья. А вот его дом. Тут были отец, мать, сестра, братишка Шурка.

Он стоял перед печной трубой и думал: «Мой дом» — и даже негромко окликнул:

— Никого нет?

Там, за печной трубой, что-то шевельнулось, или ему показалось, что там шевелится. В таких случаях не следует колебаться — Авдеев дал очередь и опять прислушался. Все тихо. Тогда он пошел вокруг пепелища, возле бывшего дома, по бывшему двору. Под ноги попала мамина швейная машина, обгорелая, черная. Еще несколько шагов — и погреб. Это — все, что осталось: погреб.

Перевалившись на живот, он приложился и нажал спусковой крючок.

С трудом отворотив набухшую дверь, он спустился по ступенькам немного вниз и окликнул:

— Никого нет?

Не то стон, не то вздох послышался ему. Держа автомат наготове, он еще раз спросил:

— Кто здесь?

И, услышав явственный стон, прыгнул вниз, на мягкую сырую, скользкую землю. Тут, во тьме, несколько мгновений он ничего не видел. Но слышал стоны.

— Кто? — спросил Авдеев.

Опять никакого ответа. Тогда, держа в одной руке автомат, другой он стал шарить по сырým, осклизлым стенам до тех пор, пока не нащупал рукой плечо. Нащупал и отдернул руку: так это было неожиданно. Потом зажег спичку.

Неровное красноватое пламя осветило бледное, испуганное детское лицо, светлые волосы, кровь, дрожащие губы — знакомое, близкое лицо. Это был товарищ Шурика — Сева Петрищев.

— Севка?! — не веря себе, сказал Авдеев. — Ты что здесь? Почему?

Лицо мальчика исказилось. Сейчас не время было спрашивать. И Авдеев сказал ему, чтобы он вставал, что в поселке моряки, что он выведет его. Но Сева молчал.

— Вставай же! — повторил Авдеев. — Давай помогу.

Он взял мальчика и поднял его, как куль. Но стоять Сева не мог.

— Ты что, ранен? — спросил Авдеев.

Сева опять застонал. Тогда Авдеев взял его и потащил по лестнице наверх. Несколько раз он чуть не падал, а когда они выползли наверх, на свет, совсем близко затрещала очередь, и Авдеев почувствовал: ранен, конечно!

Мальчик лежал рядом с ним — длинноногий, окровавленный, вихрастый, изжелта-белый. Опять затрещала очередь: это, наверное, били из-за трубы, оттуда, куда он давеча стрелял. Пули впились в гнилое дерево двери попреба. Авдеев своим телом закрыл мальчика. Дышать ему было больно. Рука немела, плечо тоже. Даже автомат он не мог держать.

Еще очередь. «Кукушка» решил добить его и мальчика. Невероятная злоба перехватила его горло. Перевалившись на живот, стиснув зубы, он все-таки приложился и нажал спусковой крючок — туда, в трубу. И еще раз. И еще. Маленькие дымки отлетели от кирпича — «кукушка» молчал. В голове у Авдеева мутилось, но он встряхнулся, пригляделся и дал еще короткую очередь. Из-за трубы что-то вывалилось,

«Минное поле»

Ребята, хотите поиграть в новую игру? Только вам придется сделать ее самим. Это очень легко. Возьмите лист бумаги. Нарисуйте на одной стороне речку, куст, домики, елку, колодец, мельницу. Если не умеете рисовать, начертите в разных местах квадратики и напишите «дом», «елка» и так далее.

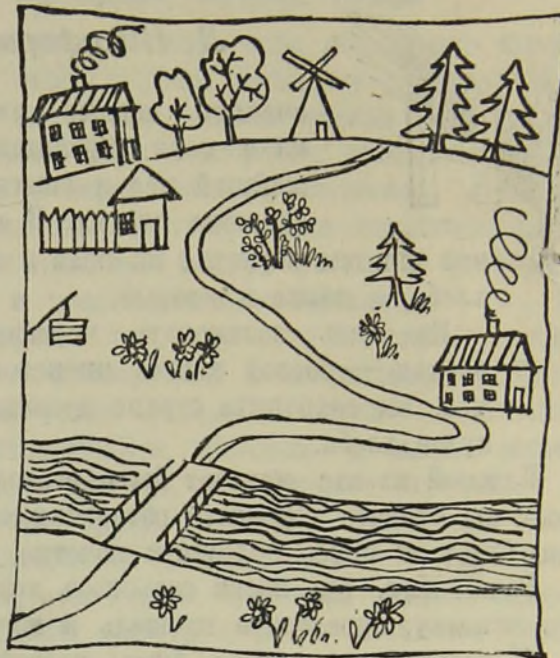
Затем мы эту местность минируем. На обороте листа нарисуйте в разных местах пятнадцать маленьких кружочков. Это и будут мины.

Теперь можно играть. Кто начинает, пусть посмотрит лист на свет и запомнит, где мины, пока другой игрок считает до десяти. Потом лист кладется на стол, и игрок получает от товарища задание. Пройти, скажем, от колодца к дереву или от дома к реке. Игрок проводит карандашом дорожку между указанными пунктами, он старается вспомнить, где мины, чтобы обойти их; но заглядывать под лист не имеет права.

Выполнил задание, посмотри на свет: наскочил ты на мину или прошел благополучно? Если дорожка задела мину, — значит, наскочил. Получай штрафное очко. Играет следующий.

Каждый игрок выполняет 4 задания. Выиграл тот, кто получил меньше всех штрафных очков.

Поиграйте в игру «Минное поле» и напишите нам, интересная ли это игра и как вы в нее играли.

СОДЕРЖАНИЕ

Четверть века. — Лев Кассиль	1 стр.	Мой лицевой счет	26 стр.
Сын корабля. — Рассказ Юрия Германа.		Республика во дворе. — Ю. Сотник	28 „
Рис. В. Цельмера	5 „	О чем рассказали следы. — (Продолжение).	
О русском языке. — Профессор Л. Тимофеев	12 „	Подполковник Н. Баканов. Рис. О. Верейского	34 „
„НИ“ и „НЕ“. — Стихи С. Маршака	15 „	Счастливая звезда. — В. Линский. Рис. Т. Чертовой	39 „
Таня Слесарева. — (Продолжение). — Повесть		Развитие силы. — М. Черевков. Рис. Л. и Н. Кравченко	42 „
М. Прилежаевой. Рис. А. Брея	16 „	Сельскохозяйственная школа „Пионера“	44 „
Выставка умелых рук. — Р. Мирер	24 „	„Минное поле“	48 „

На обложке: картина художника Л. Голованова „Саша Чекалин“.

Редколлегия: Атаров Н. С., Баканов Н. А., Ильина П. В. (отв. редактор), Кононенко Е. В., Маршак С. Я., Сафонов В. А., Сысоева А. А.

Адрес редакции: Москва, ул. „Правды“, 24, комната 804, телефон Д-3-30-73

Подписано к печати 23/X 1942 г.

Изд. № 815

А 61683

82 × 110

1/16 бум. листа

76 999 печ. зн. в печ. листе

3 п. л.

Типография газеты „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24.

Зак. 2551.

Тираж 50 000 экз.